

Евтушенко пригласил Фроста поужинать у него дома после посещения кафе. Мы отправились по Ленинградскому шоссе мимо нашей гостиницы с ресторанным прошлым на маленькую улочку в районе станции метро “Аэропорт”, где вместе с другими писателями и художниками в новом доме жил со своей темноволосой женой в маленькой трехкомнатной квартире Евтушенко. Гостиная была просторной. На стенах висели картины кубинских абстракционистов и огромный белый нагрудный значок с надписью черными печатными буквами: “Я БИТНИК”. Квартира выглядела привлекательно, мебель в ней была современной. Все как один называли Евтушенко Женей — жена, две наши распорядительницы и кто-то, кто ошибся квартирой.

Сначала мы стоя курили и разглядывали картины, вели светский разговор. Жена Евтушенко накрывала на стол, некоторые гости приносили из кухни тарелки и блюда. Фроста посадили в дальний конец стола; рядом с ним, по соседству с Евтушенко, сел Мэтлок. Комната была наполнена движением, разговорами, легким смехом. Большинство присутствовавших были молоды. Словом, самая настоящая вечеринка.

Среди гостей были Межелайтис и Винокуров. Вознесенский к нам не присоединился: у него была запись на радио. После ужина приехали Рождественский с женой, оба в темных очках. Рождественский так и остался в очках и почти не разговаривал с Фростом. Фросту было приятно находиться среди этих пышущих энергией, самоуверенных поэтов, но, думаю, он все сильнее ощущал свою чуждость их среде. Во всяком случае, когда его попросили прочесть стихотворение, он наотрез отказался. Он восхищался боевитостью молодых поэтов, но не одобрял их бравады и тяги к внешним эффектам. В Евтушенко рисовка сочеталась с сильными прокубинскими настроениями, о которых потом вспоминал Фрост, и само это сочетание вдруг показалось Фросту фальшивым.